

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Московская государственная юридическая академия имени О. Е. Кутафина

КАФЕДРА ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Фёдор Александрович Куликов-Костюшко

Контрольная работа по праву Европейского Союза

Вариант 1. Основные личные и политические права граждан Европейского Союза

Группа 2, IV курс, Юридический заочный институт,
заочная форма обучения, сокращённая программа подготовки

Москва, 2013

План работы

1. Введение. Формулировка пределов исследования.....	2
2. Источники личных и политических прав на уровне ЕС	3
3. Система личных и политических прав человека	6
4. Универсальные права	7
5. Собственные права граждан ЕС. Права с переменным объёмом гарантий.....	15
Ссылки	17

1. Введение. Формулировка пределов исследования

Сформулированная в условиях задачи тема — «Основные личные и политические права граждан Европейского Союза» — является отнюдь не столь простой, как это может показаться на первый взгляд. Из буквальной формулировки темы следует, что автор должен рассмотреть (1) личные и политические права (*далее* права I поколения), которые есть у определённого круга лиц, а именно (2) у граждан Европейского Союза (*далее* ЕС), причём (3) независимо от источников этих прав. Однако такие пределы исследования, как представляется автору, не вполне отвечали бы общей цели работы.

Так, с учётом указаний о гражданстве ЕС в его учредительных документах (ср. ст. 9 Договора о функционировании Европейского Союза, *далее* ДФЕС) следовало бы рассматривать права, которыми обладают лишь граждане государств-членов ЕС, причём даже здесь здесь возникают сложности: например, гренландцы имеют обычное датское гражданство, ничем не отличающееся от гражданства, которое имеют жители Дании, однако Гренландия не входит в ЕС и соответственно законодательство ЕС в области прав человека на неё вовсе не распространяется. Между тем подавляющее большинство этих прав, кроме избирательного права и некоторых иных прав, повсеместно, в том числе и в ЕС в целом и в отдельных странах ЕС, формулируются без какой-либо привязки к гражданству. Следовательно, целесообразнее вести речь не о правах граждан ЕС, а о защищаемых на территории ЕС правах человека.

Далее, права человека в пределах ЕС могут закрепляться на различных уровнях: во-первых, на уровне отдельных национальных государств (преимущественно в писанных конституциях этих государств, где таковые существуют; примером страны без писаной конституции является Великобритания, а ещё более интересным примером страны, где права человека не нашли систематического изложения в виде перечня в конституции, является Франция), во-вторых, на уровне актов ЕС, и, в-третьих, на уровне международных договоров (данным словосочетанием в работе *не будут* обозначаться договоры, связанные с созданием и функционированием ЕС, такие как ДФЕС или Договор о Европейском Союзе, *далее* ДЕС). Учебному предмету «Право ЕС» в наибольшей степени отвечают права человека, закреплённые в актах ЕС в целом, а в наименьшей — права человека, закреплённые во внутреннем законодательстве государств-членов ЕС.

Что касается международных договоров, то ситуация здесь более сложная. С одной стороны, международные договоры связывают подписавшие их государства по отдельности, и, по-видимому, нет серьёзных оснований рассматривать *в рамках права ЕС* универсальные договоры, затрагивающие права человека, если на такие договоры не ссылаются

нормативные акты самого ЕС. Так, например, едва ли может рассматриваться в рамках права ЕС Международный пакт о гражданских и политических правах, несмотря на всю его значимость и, более того, наличие прецедентов его применения Комитетом по правам человека ООН в отношении государств-членов ЕС — участников дополнительного протокола к пакту (см., например, *Kavanagh v. Ireland*, 819/1998).

С другой стороны, на ряд международных договоров по правам человека имеется прямая отсылка в праве ЕС, причём в праве первичном — учредительных договорах ЕС. По мнению автора, такие договоры могут быть рассмотрены и в случае, когда работа посвящена праву ЕС.

С учётом изложенного в работе будут рассматриваться права I поколения, закреплённые (1) на уровне ЕС в его учредительных документах или (2) на уровне международных договоров, к которым учредительные документы ЕС содержат явную отсылку.

2. Источники личных и политических прав на уровне ЕС

Как только что отмечалось выше, источники права в области прав человека на уровне ЕС могут быть разделены на две группы.

А. Права человека, закреплённые непосредственно в учредительных документах ЕС. Ограничивая рассмотрение ДЕС и ДФЕС, нетрудно видеть, что права человека, вытекающие из этих договоров, могут быть закреплены различным образом.

Прежде всего это права, содержащиеся в основном тексте указанных договоров. Большинство этих прав, за исключением права на защиту персональных данных из ст. 16 ДФЕС, непосредственно связаны с существованием ЕС: в них идёт речь либо о взаимодействии между гражданами ЕС и его органами (избирательное право на выборах в Европарламент, право обращения в органы ЕС и другие права), либо о правах, связанных с «трансграничными» действиями граждан ЕС (например, право граждан ЕС свободно выбирать место жительства за пределами своего государства). Кроме того, в учредительных договорах содержится также ряд норм, сконструированных в виде обязательств общего характера государств-членов, предоставляемых физическим лицам: ср., например, ст. 10 ДФЕС, в соответствии с которыми в правотворчестве и правоприменении ЕС должен «стремиться бороться», *aim to combat discrimination*, с дискриминацией разного рода; считать такие нормы непосредственно создающими позитивные права для конкретных лиц было бы преувеличением (здесь и далее термин «позитивные права» используется в смысле прав, которые действуют напрямую и подлежат судебной защите независимо от их имплементации в иных актах).

Далее, это права, содержащиеся в *Хартии фундаментальных прав Европейского Союза* (далее Хартия). Хартия хотя и не является частью учредительных договоров ЕС, в силу ч. 1 ст. 6 Д ЕС имеет с ними равную силу (*the same legal value*). В отличие от прав, закреплённых в основном тексте Договора о ЕС и ДФЕС, права, закреплённые в Хартии, носят более общий характер и включают в себя практически все виды прав: как права I поколения, так и экономические, культурные и социальные и иные права. При этом группировка прав в тексте Хартии отличается от обычно принимаемой в подобного рода документах: права упорядочены не по их видам, а по назначению, что видно из названий первых глав Хартии: «Достоинство», «Свободы», «Равенство», «Солидарность», «Права

граждан» (вопреки названию, содержащие некоторое число норм, применимых ко всем лицам, а не только к гражданам ЕС), «Правосудие». Кроме того, фактически из Хартии вытекает разделение закрепляемых ею прав на собственно права и свободы (rights and freedoms) и принципы (principles): первые надлежит «соблюдать», respect, вторым — «следовать», follow (ч. 1 ст. 51 Хартии). Это означает, что принципы признаются юридически признаваемыми (judicially cognizable) только при толковании и при оценке действительности актов правотворчества и правоприменения органов ЕС или органов государств-членов ЕС при имплементации последними права ЕС (ч. 5 ст. 52 Хартии), а в отсутствие соответствующих актов применяться напрямую не могут. К числу принципов относится, например, ст. 25 «Права пожилых людей». Впрочем, по мнению автора, данное разделение по сути мало что меняет и лишь кодифицирует общепринятое представление о том, что определение «объёма» прав общего характера в социальной, культурной и экономической сфере является прерогативной законодательной и исполнительной власти (в связи с этим полезно напомнить формулировку ч. 2 ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах: «Каждое участвующее в настоящем Пакте государство обязуется <...> принять <...> меры к тому, чтобы обеспечить *постепенно* полное осуществление признаваемых в настоящем Пакте прав»; слово «постепенно» выделено автором).

Что касается толкования Хартии, то следует учитывать следующее. Во-первых, в отношении всех прав, которые присутствуют одновременно в Хартии и в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (подробнее см. ниже), действует жёсткое правило (ч. 3 ст. 52 Хартии): такие права из Хартии по своему содержанию и объёму (по своему смыслу и пределам, meaning and scope) идентичны по правам из упомянутой конвенции. Фактически здесь речь идёт о гражданских и политических правах, поскольку именно они являются предметом упомянутой конвенции. Во-вторых, существуют Разъяснения к Хартии, опубликованные Президиумом Конвента, который разработал Хартию: несмотря на декларируемое отсутствие юридической силы, эти разъяснения в силу ч. 6 ст. 51 Хартии «надлежащим образом принимаются во внимание судами Союза и государств-членов».

Нельзя не отметить, что некоторые из прав повторяются несколько раз по тексту учредительных договоров ЕС и Хартии. Например, норма о праве граждан ЕС на свободный выбор места жительства воспроизведена *дословно* (Every citizen of the Union has the right to move and reside freely within the territory of the Member States) три раза: в ч. 2 ст. 20 ДФЕС, в ч. 1 ст. 21 там же и в ч. 1 ст. 44 Хартии. Этот вроде бы малозначительный факт иллюстрирует непростую историю принятия и модификации учредительных документов ЕС.

По субъектному составу обязанными лицами в отношении *всех* прав, закреплённых в Хартии, являются *исключительно* (1) ЕС и его органы, а также (2) государства-члены ЕС лишь в той мере, в какой эти государства претворяют в жизнь право ЕС (ч. 1 ст. 51 Хартии). В силу общего принципа субсидиарности (ч. 1, 3 ст. 5 ДЕС) это же верно и в отношении прав человека, перечисленных в ДФЕС. И хотя по буквальному содержанию большинство прав Хартии, устанавливающих конкретные права, относится к «каждому» независимо от гражданства и осложнённости соответствующих правоотношений трансгра-

ничным элементом, ч. 1 ст. 51 Хартии сужает сферу применимости Хартии до проверки на соответствие ей (1) актов ЕС (директив, регламентов и прочего), а также (2) актов государств-членов, принятых во исполнение конкретных норм законодательства ЕС, что создаёт заметный диссонанс между гуманистическим содержанием Хартии и узкой сферой её применимости.

Однако следует отметить, что в то время как понятие актов ЕС является достаточно определённым, понятие актов государств-членов, принятых во исполнение законодательства ЕС, определено в меньшей степени и — как это было и до вступления в силу Хартии — в конечном счёте определяется практикой Суда ЕС [Ильин, 2011].

В связи с этим будет уместно напомнить, что Суд ЕС начиная примерно с 1980-х годов очень осторожно и постепенно начал процесс инкорпорации права ЕС «сверху» в право национальных государств, когда под видом защиты интересов, предусмотренных законодательством ЕС (в частности свободы передвижения и свободы учреждения предприятий) и с использованием соответствующих формулировок, суд выносил решения по вопросам, по существу затрагивающим личные и политические права (которые на тот момент даже не были закреплены в актах ЕС). Например, в деле *Konstantinis v. Stadt Altensteig* (1993) C-168/91 суд, признавая, что государства-члены могут самостоятельно устанавливать правила транслитерации личных имён на национальный язык, одновременно указал, что эти правила противоречат законодательству ЕС в той части, в какой гражданин другого государства-члена ЕС может быть принуждён использовать транслитерацию в связи со своим профессиональным занятием, если вследствие искажения произношения имени в результате транслитерации клиенты этого лица могут спутать его с другим лицом. Все это напоминает аналогичные процессы в США, где с помощью сходных приёмов Верховный суд начиная с 1920-х годов распространил на органы публичной власти уровня штата и ниже действие билля о правах (фактически — статей с 1 по 8 конституции США); при этом в XIX веке Верховный суд, напротив, неоднократно подчёркивал, что права, содержащиеся в билле о правах, лишь ограничивают полномочия федеральных органов власти и никак не влияют на деятельность отдельных штатов. Возвращаясь к ЕС, нужно отметить, что в настоящий момент в правовой литературе ведутся оживлённые дискуссии на тему точно определения круга актов, которые могут стать предметом рассмотрения в Суде ЕС на предмет проверки их соответствия Хартии, ДЕС и ДЕФС.

В. Права, закреплённые в международных договорах, на которые есть прямые отсылки в учредительных договорах ЕС. Прежде всего это Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее Конвенция) с её дополнительными протоколами, в отношении которой в ч. 3 ст. 6 ДЕС указывается: «Фундаментальные права, гарантированные Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод <...> образуют общие принципы права Союза» (Fundamental rights, as guaranteed by the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms <...> constitute general principles of the Union's law). Указанная Конвенция была подписана в Риме в 1950 году; в настоящее время её участниками являются не только члены ЕС, но и ряд других государств, в том числе Россия. В настоящее время ожидается присоединение ЕС к Конвенции в качестве самостоятельного члена; такое вступление предписывается ч. 2 ст. 6 ДЕС и должно позволить проверять на соответствие конвенции акты ЕС, а не только их

имплементацию в национальных законодательствах.

Конвенция, даже с учётом дополнительных протоколов, закрепляет почти исключительно личные и политические права.

Конвенция имеет мощный механизм контроля, позволяющий индивидуальным заявителям (и государствам-участникам) подавать жалобы на неисполнение положений Конвенции государствами-участниками; этот механизм был заметно усилен с принятием в 1998 году 11 дополнительного протокола, который упразднил «фильтр» в виде Европейской комиссии по правам человека, решавшей вопрос о приемлемости жалобы, и учредил единый орган контроля — Европейский суд по правам человека (*далее* ЕСПЧ), куда заинтересованные лица получили возможность подавать жалобы напрямую.

Среди других договоров, на которые есть отсылки в учредительных договорах ЕС, следует упомянуть Европейскую социальную хартию 1961 года (в исходной редакции и в редакции 1996 года) и Хартию Сообщества о фундаментальных общественных правах рабочих 1989 года (см. преамбулу ДЕС и ст. 151 ДФЕС). Предмет этих договоров, не относящийся к правам I поколения, позволяет исключить эти договоры из дальнейшего обсуждения. Наконец, нельзя не упомянуть Женевскую конвенцию 1951 года вместе с протоколом к ней — они упоминаются в ст. 78 ДЕС, которая указывает, что государства-члены должны выработать общую политику в отношении предоставления убежища и некоторых сходных мер, которая находилась бы в согласии с упомянутой конвенцией «и другими международными договорами в данной сфере»; при этом в Хартии имеется аналогичная ст. 18 о том, что право на убежище гарантируется при соблюдении указанных выше условий.

3. Система личных и политических прав человека

Перед рассмотрением конкретных прав, закреплённых в Конвенции, целесообразно обсудить способы классификации этих прав. Данный вопрос возникает в связи с тем, что в то время как объём понятия «личных и политических прав» в целом является достаточно определённым, соотношение между «личными» и «политическими» правами определено в гораздо меньшей степени [Страшун, 2010, с. 144–145].

Согласно распространённой точке зрения, политические права в первом приближении могут быть отграничены от личных исходя из того, что политические права закрепляют права граждан данного государства, в то время как личные права имеет каждый человек. Однако в действительности закрепление того или иного права только за гражданами является лишь достаточным, но не необходимым условием признания этого права политическим, хотя бы потому, что существуют права, обычно относимые к политическим (например, свобода ассоциации, то есть участия в общественных объединениях), но при этом закрепляемые за всеми независимо от гражданства. Попытки уточнения критериев данной классификации сводятся в основном к тому, что политические права связываются не с гражданством, а с возможностью путём реализации данных прав воздействовать на общественную и политическую жизнь — однако и здесь мы наталкиваемся на противоречия. В частности, источники дают противоречивые указания в отношении классификации как личных или политических таких прав, как свобода мысли и свобода совести, свобода слова. Даже свобода собраний и свобода ассоциации в ряде случаев классифицируются как

личные права, ср. действующую конституцию Италии, где соответствующие ст. 17 и 18 помещены в разделе «Гражданские отношения» (и это при этом, что в этих статьях данные права закрепляются не за всеми, *tutti*, а за гражданами, *cittadini!*) [Алебастрова, 2009, с. 163]. Аналогичным образом запрет дискриминации может рассматриваться либо как личное либо как политическое право, причём последний вывод оправдывают тем, что принципы равенства перед законом и запрета дискриминации развились из отмены сословных привилегий, каковые представляли собой политические права господствующих классов.

Особое место в классификации прав занимает неприкосновенность собственности. Несмотря на сложившуюся в русскоязычной литературе традицию рассматривать неприкосновенность собственности в качестве экономического права, автор работы склонен рассматривать данное право в качестве личного права, по крайней мере для целей данной работы. Это связано прежде всего с качественным своеобразием данного права, отличающим его от экономических, социальных и культурных прав в целом как прав II поколения. Последние по большей части закрепляют те или иные расходные обязательства государства, например по организации системы образования и гарантиям её доступности. Неприкосновенность же собственности представляет собой *свободу* от вмешательства посторонних лиц в отношении принадлежащего субъекту имущества. Также будет уместно указать, что Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах не содержит упоминаний о собственности или о владении, а экономические права в нём — почти исключительно права трудовые.

Всё вышеизложенное заставляет автора отказаться от использования классификации прав на личные и политические в дальнейшей работе. Вместо этого будут отдельно выделены права, закреплённые за каждым (универсальные права), и иные права, в отношении которых имеется дифференциация между гражданами ЕС и иными лицами. При этом неприкосновенность собственности будет включена в число обсуждаемых в работе прав, а универсальные права будут по возможности группироваться с опорой на последовательность их перечисления в Хартии.

4. Универсальные права

А. Человеческое достоинство, личная свобода и неприкосновенность. Соответствующие права сосредоточены в основном в главе «Достоинство» (Dignity) Хартии и, за некоторыми исключениями, имеют прямые соответствия в Конвенции, что означает, что объём этих прав определяется Конвенцией и практикой её применения. Права эти следующие.

Неприкосновенность человеческого достоинства закреплена в ст. 1 Хартии, которая гласит: «Человеческое достоинство неприкосновенно. Оно подлежит уважению и защите» (Human dignity is inviolable. It must be respected and protected). Несмотря на ссылки на преамбулу Всеобщей декларации прав человека в Пояснениях к Хартии, реальным «прототипом» соответствующей нормы послужила, по всей видимости, ст. 1 основного закона Германии, где говорится: «Человеческое достоинство неприкосновенно. Уважать и защищать его — обязанность всей государственной власти» (Die Würde des Menschen ist unantastbar. Sie zu achten und zu schützen ist Verpflichtung aller staatlichen Gewalt). Данное право рассматривается как наиболее фундаментальное право, которое,

само по себе, не подлежит никаким ограничениям. Хотя это и не кодифицировано в Конвенции, неприкосновенность человеческого достоинства рассматривается ЕСПЧ как фундаментальная цель Конвенции (см. *S. W. v. UK* (1994) 20166/92). Неприкосновенность человеческого достоинства определяет пределы реализации любых других прав, в частности прав, предусмотренных Хартией или Конвенцией.

Право на жизнь (ст. 2 Хартии; ст. 2 Конвенции, ст. 1 протокола 6, ст. протокола Конвенции), с учётом ныне действующих во всех странах ЕС протокола 6 и особенно протокола 13 «Об отмене смертной казни при любых обстоятельствах» к Конвенции, означает недопустимость посягательства на человеческую жизнь как со стороны государства, в том числе в форме осуществления или назначения смертной казни, так и со стороны других лиц. Вместе с тем в ч. 2 ст. 2 Конвенции содержится исчерпывающий перечень случаев, когда лишение жизни не является нарушением данной ст. 2 Конвенции: это ситуации, когда лишение жизни является результатом абсолютно необходимого применения силы для (1) защиты любого лица от противоправного насилия, (2) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключённого под стражу на законных основаниях, или (3) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа. Наличие такого перечня в Конвенции выгодно отличает её множества других актов в области прав человека. Так, в основном законе Германии имеется лишь отсылочная норма (ч. 2 ст. 2) о том, что вмешательство в право на жизнь или личную неприкосновенность допустимо только на основании закона.

Право на целостность личности (ст. 3 Хартии; отчасти ст. 8 Конвенции) сформулировано в ч. 1 ст. 3 Хартии следующим образом: «Каждый человек имеет право на собственную физическую и психическую целостность». Это право включает в себя, среди прочего: запрет евгеники; запрет на превращение человеческого тела в источник прибыли (фактически здесь речь идёт о запрете коммерческого донорства и коммерческого суррогатного материнства); запрет недобровольных экспериментов на людях; запрет репродуктивного клонирования. Хотя все эти запреты сформулированы в явном виде только в Хартии, они в основном находят отражение и в практике ЕСПЧ [Kilkelly, 2003, p. 42] со ссылкой на ст. 8 Конвенции.

Запрет пыток (ст. 4 Хартии, ст. 3 Конвенции) сформулирован почти идентично в Хартии и Конвенции и включает в себя собственно запрет пыток и запрет бесчеловечного и унижающего достоинства обращения и наказания. Данный запрет является абсолютным; ничто не может служить оправданием пыток. Данная формулировка воспроизводит формулировку ст. 7 Пакта о гражданских и политических правах, но не даёт определения соответствующих понятий. В то время как подробное определение *пытки* содержится в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, определение бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания оказывается прерогативой ЕСПЧ. Получило широкую известность решение ЕСПЧ по делу *Ireland v. UK* (1978) 5310/71, где суд признал (выводы I.3, I.4 в резолютивной части) бесчеловечным обращением, но не пыткой, следующие практики: 1) принуждение длительное время стоять в напряжённом положении; 2) надевание на головы непрозрачных колпаков и содержание в таком виде все время, кроме допроса; 3) постоянное воздействие монотонного шума; 4) ограничение сна; 5) ограничение еды и питья.

В целом трактовка бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания у ЕСПЧ достаточно широка. Так, в недавнем решении по делу *Vinter and others v. UK* (2013) 66069/09, 130/10, 3896/10 ЕСПЧ указал, что «когда национальное законодательство не обеспечивает возможность рассмотрения [вопроса о том, необходимо ли продолжение лишения свободы по пенологическим соображениям], назначение пожизненного лишения свободы не соответствует стандартам, предусмотренным ст. 3 Конвенции» (where domestic law does not provide for the possibility of <...> a review, [as to mean that continued detention can no longer be justified on legitimate penological grounds], a whole life sentence will not measure up to the standards of Article 3 of the Convention).

В ч. 2 ст. 19 Хартии установлен общий запрет на выдворение, высылку и выдачу любого лица в иные государства при наличии серьёзной угрозы того, что это лицо будет смертной казни, пыткам и т. п. Данный запрет связывают со сложившейся практикой ЕСПЧ по соответствующим делам, в которых ЕСПЧ опирался на ст. 2—4 Конвенции.

Запрет рабства, подневольного состояния, принудительного или обязательного труда (ст. 5 Хартии, ст. 4 Конвенции) содержится в краткой форме Хартии, которая частично воспроизводит положения Конвенции. Определения запрещаемых понятий хотя и не содержатся в Конвенции, имеются в важнейших международных договорах: Конвенции о рабстве; Дополнительной конвенции об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством; Конвенции относительно принудительного или обязательного труда. Поскольку участниками всех этих договоров являются все страны ЕС, нет оснований отказываться от определений, предложенных в данных договорах. Так, рабство определяется как «положение или состояние лица, в отношении которого осуществляются некоторые или все полномочия, присущие праву собственности»; подневольное состояние охватывает разнородную группу деяний, в том числе долговую кабалу, крепостное состояние, принудительную выдачу замуж, передачу несовершеннолетних третьим лицам с целью эксплуатации ребёнка; принудительный или обязательный труд «означает всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания, для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг».

Однако Конвенция (как и Конвенция относительно принудительного или обязательного труда) содержит дополнительные условия (ч. 3 ст. 4), определяющие, что не считается принудительным или обязательным трудом: это работа по решению суда во время или вместо тюремного заключения; военная и альтернативная гражданская служба; служба, обязательная в случае чрезвычайного положения; работа или служба, являющаяся частью обычных гражданских обязанностей. Следовательно, запрет рабства и подневольного состояния абсолютен, а запрет принудительного или обязательного труда — относителен.

Право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 6 Хартии, ч. 1 ст. 5 Конвенции) представляет собой фундаментальное право, которое рассматривалась как естественное право любого человеческого существа с появления самой концепции прав человека. Едва ли содержание данного права как такового нуждается в дополнительных пояснениях. Большую важность представляют условия, при которых это право может быть ограничено. Хартия не содержит на этот счёт никаких указаний; по мнению, высказанному в Разъяснениях к Хартии, это лишь означает, что Хартия отсылает к правилам ч. 1 ст. 5 Конвенции. В Конвенции же исчерпывающий перечень условий, при которых лицо мо-

жет быть лишено свободы, приведён в ч. 1 ст. 5, сразу же после объявления того, что «каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность». Все эти условия оперируют понятием «законного» *задержания* (ареста, arrest) и *заключения под стражу* (detention) и связаны с обычной деятельностью полицейских органов, судов, назначающих наказания в виде лишения свободы, и ряда других органов. При этом задержание и заключение под стражу имеют в Конвенции собственное значение и охватывают любые действия, при которых лицо лишается свободы, как бы эти действия ни назывались в национальном праве (скажем, в случае применения российского законодательства об административных правонарушениях задержание привлекаемого лица в смысле Конвенции начинается с *начала* доставления этого лица, то есть с начала принуждения, а отнюдь не с *завершения* доставления в юрисдикционный орган). Ст. 1 протокола 4 Конвенции дополнительно наложила явный запрет на лишение свободы лишь на том основании, что лицо не в состоянии выполнить какое-либо договорное обязательство, воспроизведя ст. 11 Пакта о гражданских и политических правах.

Последующие части ст. 5 Конвенции содержат минимальные стандарты обращения с лишёнными свободы лицами: каждый *задержанный* должен на понятном для них языке получить разъяснения о причинах ареста, предъявленных обвинениях; всякий лишённый свободы (как задержанный, так и заключённый под стражу) доставляется незамедлительно (конкретный срок, например «48 часов», в Конвенции не задан) доставлен лицу, обладающему судебной властью, имеет право на судебное разбирательство в разумный срок, а равно имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности лишения свободы; в случае лишения свободы в нарушение положений ст. 5 Конвенции лицо имеет право на компенсацию.

В. Личная и семейная жизнь, брак и семья. В ст. 7 Хартии и ст. 8 Конвенции, помимо прочих прав, закрепляется уважение частной и семейной жизни (поскольку текстуально положения Хартии и Конвенции идентичны, они, как уже указывалось, должны иметь идентичное содержание и толкование). Понятие уважения частной и семейной жизни, вообще говоря, может рассматриваться двояко. С одной стороны, оно подразумевает недопустимости произвольного опубликования сведений о частной и семейной жизни, о защите её тайны; об этом речь пойдёт ниже. С другой стороны — и эта сторона является не менее важной — речь идёт об уважении *личной и семейной жизни со стороны официальных лиц*, то есть о признании не только права невмешательства в частную и семейную жизнь со стороны государства (так сказать, «права жить по своему усмотрению»), но и права требовать признания государством определённых правовых последствий тех или иных сложившихся отношений между людьми (преимущественно это касается семейной жизни).

ЕСПЧ традиционно проводит различие между частной жизнью как максимально широким понятием, «подходящим» для множества жизненных ситуаций, (см. о праве на целостность личности выше), и семейной жизнью, которая вплоть до 1990-х годов ограничивалась преимущественно брачными отношениями. При этом обычно указывается, что право на уважение семейной жизни является индивидуальным правом, то есть применяется к каждому из членов семьи по отдельности (например, если ставится вопрос о депортации из ЕС лица, которое состоит в длительных семейных отношениях

с гражданином ЕС, то необходимость «уважения семейной жизни» возникает лишь по отношению к этому лицу), в то время как право на вступление в брак и создание семьи касается супругов вместе. Однако действующая судебная практика постоянно размывает данное противопоставление, как будет показано в следующем абзаце.

Право на вступление в брак, создание семьи (ст. 9 Хартии, ст. 12 Конвенции). Несмотря на близкое по смыслу содержание, формулировки Хартии и Конвенции различаются. Так, Конвенция закрепляет соответствующие права за «мужчинами и женщинами», что единодушно рассматривается как признание, в рамках Конвенции, исключительно гетеросексуальных браков; до настоящего момента ЕСПЧ, ссылаясь на отсутствие общеевропейского консенсуса, отказывается применять статью 12 Конвенции при разрешении споров в отношении иных, отличных от гетеросексуального брака, форм семейных союзов (например, однополые браки, незарегистрированные сожительства, французский PACS и прочее); это, однако, в настоящее время не мешает при необходимости признавать для конкретных целей подобного рода формы семейных союзов со ссылкой на уважение семейной жизни из ст. 8 Конвенции, обычно одновременно со ссылкой на запрет дискриминации из ст. 14 Конвенции. Из последних дел такого рода следует упомянуть *X and others v. Austria (2013) 19010/07*, где было указано, что запрет (совместного) усыновления ребёнка не состоящей в браке однополый парой, в то время как для не состоящих в браке разнополых пар такие усыновления запрещены, образует нарушение ст. 8 и 14 Конвенции.

С другой стороны, Хартия дипломатично указывает, что «право на вступление в брак и право создавать семью гарантируются в соответствии с национальными законами», полностью устранив от неудобного вопроса о необходимости признания на уровне ЕС отличных от гетеросексуальных браков форм семейных союзов.

В. Классические либеральные свободы

Тайна частной и семейной жизни, неприкосновенность жилища, неприкосновенностью корреспонденции закрепляются в только упомянутых выше ст. 7 Хартии и ст. 8 Конвенции.

Останавливаясь на вопросе *тайны частной и семейной жизни* как элементе уважения к частной и семейной жизни, следует указать, что в рамках Конвенции и Хартии эта тайна рассматриваться либо в связи со свободой слова (см. ниже), в рамках чего определяются допустимые пределы *распространения* соответствующей информации, либо с *защитой персональных данных* (ст. 8 Хартии, ст. 16 ДФЕС), в рамках чего определяются допустимые пределы сбора и хранения соответствующей информации.

Неприкосновенность жилища в практике ЕСПЧ применительно к ст. 8 Конвенции рассматривается весьма расширительно и, например, распространяется не только на недопустимость произвольного вторжения или обыска в жилище (такое понимание аналогичной нормы из ст. 25 конституции России характерно для российского правосознания), но и на право на спокойное проживание в этом жилище (включая, например, защиту от шума), а равно и право на благоприятную экологическую обстановку при нахождении в жилище [Kilkelly, 2003, p. 59–60].

Неприкосновенность корреспонденции в практике ЕСПЧ распространяется не только на корреспонденцию физических лиц, но и вообще на любую корреспонденцию, в том числе на коммерческую переписку между организациями [Kilkelly, 2003, p. 20].

Свобода мысли, совести, религии (ст. 9 Хартии, ст. 10 Конвенции) разделяется на «внутреннюю свободу», то есть возможность иметь и менять свои убеждения независимо от чьего-либо мнения, и «внешнюю свободу» — свободу исповедовать свою религию или убеждения, в том числе при публичном или коллективном отпраздновании религиозных обрядов. Внутренняя свобода не подлежит никаким ограничениям, в то время как внешняя свобода может быть ограничена при соблюдении условий ч. 2 ст. 10 Конвенции; точные пределы таких ограничений, впрочем, являются предметом ожесточённых споров. К свободе мысли примыкает свобода *придерживаться* определённого мнения, упоминаемая в ст. 10 Хартии, ст. 11 Конвенции, откуда, между прочим, вытекает, невозможность обязать кого-либо в судебном порядке принести извинения, см., напр., решение *Kazakov v. Russia* (2009) 1758/02, где ЕСПЧ указал: «Принуждение кого-либо отказаться от своего мнения путём признания собственной неправоты является сомнительной формой компенсации и не представляется „необходимым“» (to make someone retract his or her own opinion by acknowledging his or her own wrongness is a doubtful form of redress and does not appear to be “necessary”).

Свобода выражения мнения (ст. 10 Хартии, ст. 11 Конвенции) сформулировано как *свобода получать информацию и идеи и свобода распространять информацию и идеи*. Перечень мотивов, по которым данное право может быть ограничено законом, в Конвенции заметно шире, чем в случае свободы мысли, совести, религии, и включает не только стандартные охрану общественного порядка, здоровья, нравственности, защиту прав и свобод других лиц, но и: защиту репутации, предотвращение разглашения конфиденциальной информации, обеспечение авторитета и беспристрастности правосудия. Из последних наиболее типичным является ограничение свободы выражения мнений именно по мотиву защиты репутации (как правило, в связи с реальным или предполагаемым распространением порочащих сведений).

Как считается [М. Macovei, 2004, р. 9–10], упоминание в тексте Конвенции *информации и идей* как двух различных понятий даёт основание сопоставить информацию с *фактами*, которые могут быть проверены на действительность, а идеи — с *собственно мнениями*, которые по понятным причинам подтверждены или опровергнуты быть не могут. В отношении этих двух сущностей ЕСПЧ установил различные подходы: утверждения о фактах («Х совершил Y») могут проверяться судом на истинность, и в случае ложности соответствующего утверждения национальное законодательство может ограничивать свободу выражения мнения, обязывая, например, выплатить компенсацию потерпевшему, или разместить опровержение. Однако выражение мнения как такового («Я считаю, что Х совершил Y») не могут быть проверены на действительность и соответственно ответственность за них может наступать только в особых случаях (например, при умысле на причинение вреда, при полной фактической необоснованности оценочных суждений и т. п.). Кроме того, ЕСПЧ последовательно проводит мысль, что в отношении вопросов, волнующих всё общество, а равно когда критика направлена на действия публичных властей или на политических деятелей, допускается большая степень дозволенного в выражении мнений, чем в случае выражения мнений по поводу частных лиц, не участвующих в публичной деятельности.

Свобода собраний и объединений (ст. 11 Хартии, ст. 12 Конвенции) закрепляется

Конвенцией и Хартией за *каждым*, то есть не зависит от гражданства. Практика ЕСПЧ убедительно показывает, что ограничения права на свободу объединений о свободу собраний (а в отношении последних споры, очевидно, являются гораздо более частыми), предусмотренные ч. 2 ст. 12 Конвенции должны быть настолько узкими, насколько это возможно. В частности, не допускается отказ в согласовании проведения публичного мероприятия ни исходя из умозрительных соображений о невозможность обеспечения безопасности его участников, не подкреплёнными реальными попытками эту безопасность обеспечить; ни исходя из того, что, по мнению властей, идеи, защищаемые участниками публичного мероприятия, не поддерживаются и противоречат моральным установкам или религиозным чувствам большинства жителей, ибо обратное превращало бы право меньшинств на проведение публичных мероприятий в фикцию (см. дело *Alexeyev v. Russia* (2010) 4916/07, 25924/08, 14599/09, в частности п. 77, 81, 84).

Нормы ст. 10, 11, а также упоминаемой ниже ст. 14 не препятствуют в силу указания ст. 16 Конвенции государствам вводить «вводить ограничения на политическую деятельность иностранцев»; по всей видимости, внутри ЕС данная норма по отношению к иностранцам — гражданам ЕС применяться может лишь с большими оговорками.

Свобода искусства и науки, а также право на образование, хотя и находятся в разделе «Свободы» Хартии, следует всё же рассматривать, по мнению автора, качестве культурных прав; соответственно они выходят за пределы темы данной работы. Это же относится и к свободе труда и свободе предпринимательства.

Г. Равноправие и запрет дискриминации. В рамках Конвенции наиболее всеобъемлющий запрет дискриминации содержится в ст. 1 протокола 12 Конвенции (вступил в силу в 2006 году), которая гласит: «Пользование любым правом, признанным законом, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или любого иного обстоятельства». От ст. 14 Конвенции, действующей с момента вступления Конвенции в силу, цитируемая норма отличается тем, что распространяет действие на *все права, предусмотренные законом*, в то время как норма ст. 14 распространяла действие только на права, предусмотренные самой Конвенцией.

Сходная, но опять-таки не идентичная норма содержится в ст. 21 Хартии: в отличие от цитированной нормы ст. 21 Хартии начинается словами «запрещается всякая дискриминация, в частности», а далее следует список обстоятельств, который по сравнению со списком Конвенции пополнился ссылкой на генетические черты, нетрудоспособность, возраст и сексуальную ориентацию. Отдельные положения ст. 21 Хартии имеются также в ст. 19 ДФЕС.

Нормы о запрете дискриминации по признаку пола по существу повторяются в виде отдельных статей и в Конвенции (ст. 5 протокола 7; сформулировано в виде равенства прав супругов при заключении и расторжении брака, а также в частноправовой сфере во время брака), и в Хартии (ч. 1 ст. 23: «Равенство мужчин и женщин должно быть обеспечено во всех сферах»; при этом ч. 2 там же санкционирует предоставление специальных преимуществ для недостаточно представленного пола).

Д. *Право собственности* признаётся в ст. 17 Хартии, ст. 1 протокола 1 Конвенции. Конвенция устанавливает, что «никто не может быть лишён своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права»; при этом далее указывается, что государство может контролировать использование собственности в соответствии с общими интересами.

В практике ЕСПЧ понятие собственности толкуется очень расширительно: к нему относятся не только вещные права, но и вообще любые активы, включая обязательственные права и права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальную собственность).

Е. *Судебные процедуры*. Ряд важнейших прав общего характера в области правосудия закреплён в ч. 1 ст. 6 Конвенции. Это право на судебное разбирательство в разумный срок, как по гражданским, так и по уголовным делам; право на рассмотрение дела независимым, беспристрастным, созданным на основании закона судом; обязательность публичного провозглашения решений и (кроме перечисленных случаев) обязательная открытость судебных заседаний. Эти нормы находят своё отражение в ст. 47 Хартии.

Презумпция невиновности закреплена в ст. 48 Хартии и ч. 2 ст. 6 Конвенции. Как нарушение презумпции невиновности могут рассматриваться, например, выводы суда о вероятной виновности лица, если они сделаны не при разрешении уголовного дела по существу, см. *Minelli v Switzerland* (1987) 8660/79, о противоположной позиции суда см. *Lutz v. Germany* (1987) 9912/82.

В ч. 3 ст. 6 Конвенции также рассматривается исключительно уголовный процесс и содержит перечень минимальных процессуальных гарантий, в частности: право обвиняемого знать, в чём он обвиняется; иметь время и возможности для подготовки своей защиты; защищать себя лично или через защитника, в том числе пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно; допрашивать свидетелей, свидетельствующих против него; бесплатно пользоваться услугами переводчика. В основном эти права в Хартии не кодифицированы, за исключением права на юридическую помощь, в том числе бесплатную, а также норму общего характера ч. 2 ст. 48 о том, что «каждому обвиняемому гарантируется право на защиту».

Здесь нужно подчеркнуть, что в современной практике ЕСПЧ по крайней мере деяния, за которые лицо может быть наказано назначением наказания в виде лишения свободы, рассматриваются как «уголовные», *criminal*, для целей применения Конвенции. Это, в частности, означает, что Конвенция не делает принципиальных различий между преступлениями и административными правонарушениями по российскому праву или между преступлениями, *crimes*, проступками, *délits*, и полицейскими нарушениями, *infractions* по французскому; см. [Клепицкий, 2000].

Наказание на основании права (*law*) закреплено в ст. 7 Конвенции и ст. 49 Хартии; основное различие между ними состоит в том, что в то время как Конвенция лишь запрещает придавать обратную силу актам криминализации или утяжелению наказания деяния, то Хартия дополнительно к этому требует придавать обратную силу актам, декриминализующим деяние или смягчающим наказание за него. Хартия дополнительно требует, чтобы суровость наказаний была соразмерна преступлению.

Принцип недопустимости двойного преследования за одно и то же деяние закреплён в

ст. 50 Хартии и ст. 4 протокола 7 Конвенции, однако если Конвенция устанавливает этот принцип на национальном уровне (что, например, не препятствует случае оправдания лица в одном государстве начать уголовное преследование этого лица в другом), то Хартия от же принцип устанавливает в отношении уголовного преследования на территории ЕС в целом.

Дополнительные права. В протоколе 7 к Конвенции были также закреплены следующие права лиц, привлекаемых к ответственности в уголовной сфере: право на апелляцию по уголовным делам, причём исключения возможны на основании закона обжалование (апелляцию) по уголовным делам, исключения возможны при рассмотрении дела по первой инстанции верховным судом и для незначительных правонарушений; право на компенсацию в случае судебной ошибки (например, при осуждении и последующем оправдании) независимо от вины судов и иных юрисдикционных органов.

5. Собственные права граждан ЕС. Права с переменным объёмом гарантий

В связи с их относительной немногочисленностью, права граждан ЕС, закреплённые в актах ЕС (ДЕС, ДФЕС, Хартии) могут быть перечислены достаточно полным образом. При этом возможны два случая. В одном случае соответствующие права граждан ЕС являются строго специфическими именно для граждан ЕС, а за иными лицами каких-либо прав в той же области не предоставляется ни актами ЕС, ни иными актами, на которые акты ЕС ссылаются. Такие права можно назвать *собственными правами граждан ЕС*. С другой стороны, возможны ситуации, когда при совместном действии актов ЕС и международных договоров в одной и той же предметной области возникает разный, но в обоих случаях ненулевой, позитивно заданный объём прав для граждан ЕС и для иных лиц. Соответствующие права можно назвать *правами с переменным объёмом гарантий*.

А. Исходя из содержания ДЕС, ДФЕС, Хартии и Конвенции, к числу *собственных прав граждан ЕС* относятся право на обращение в органы ЕС и право универсальной консульской защиты, а также (подробности см. в ст. 41 и 42 Хартии) право на хорошее управление и право на доступ к документам.

Право на обращение в органы ЕС является производным от более общего права на обращение в официальные органы, которое в той или иной форме признаётся в любом цивилизованном государстве. Однако рассматриваемое право является собственным правом граждан ЕС, поскольку, во-первых, оно не закреплено в Конвенции, и, во-вторых, оно наполнено специфическим содержанием. Текстуально это право сформулировано как право обращения в Европарламент, к Европейскому омбудсману, к органам Союза на любом из языков Союза и на получение ответа на том же языке (п. (d) ч. 2 ст. 20, ст. 24, 227, 228 ДФЕС, ч. 4 ст. 41, ст. 43, 44 Хартии). Отличительными чертами этого права являются, таким образом, (1) универсальность и (2) возможность обращения в органы Союза на любом языке.

При этом стоит отметить, что и лица, не являющиеся гражданами ЕС, фактически имеют право на обращение в органы Союза в очень многих случаях и по очень многим вопросам, однако во всех этих случаях право на обращение представляет собой реализацию конкретного права, предоставленного тем или иным нормативным актом, а не универсального права на обращение, каковое имеют граждане ЕС.

Право на защиту дипломатических и консульских учреждений любого государства-члена на территории сторонних государств, в которых государство гражданства лица не представлено, установлено п. (d) ч. 2 ст. 20, ст. 23 ДФЕС, ст. 45 Хартии, в соответствии с которыми такая защита представляется на тех же условиях, что и гражданам соответствующего государства.

Б. К числу *прав с переменным объёмом гарантий* можно отнести свободу передвижения и избирательные права.

Право граждан ЕС на свободу передвижения и проживания закреплено в п. (a) ч. 2 ст. 20, ч. 1 ст. 21 ДФЕС и в ч. 1 ст. 44 Хартии. Данное право относится исключительно к гражданам ЕС. Вопреки своему названию, данное право не является абсолютным правом граждан ЕС оставаться на неопределённо долгий срок в любом из государств-членов. Это следует из ч. 2 ст. 21 ДФЕС, а также из Директивы 2004/38/ЕС, где установлено, что право гражданина ЕС на нахождение на территории государства-члена ЕС, отличного от государства, гражданином которого ЕС является, может быть ограничено национальным законодательством в случае пребывания в течение более чем трёх месяцев, если (говоря кратко) этот гражданин будет представлять значительное бремя для системы социального обеспечения принимающего государства (ст. 7 указанной директивы). При этом работающие или обучающиеся в учебных заведениях граждане ЕС имеют право находиться на территории принимающего государства на время работы или обучения во всех случаях.

В то время как право ЕС закрепляет исключительно нормы, связанные со свободным передвижением граждан ЕС по территории ЕС, Конвенция содержит универсальное, применимое во всех случаях правило (ст. 2 протокола 4): «Каждый, кто на законных основаниях находится на территории какого-либо государства, имеет в пределах этой территории право на свободу передвижения и свободу выбора места жительства». В Конвенции подчёркивается универсальность данного правила, ограничения которого могут быть оправданы лишь очень серьёзными соображениями.

В отношении свободы передвижения как таковой право ЕС и нормы права, содержащиеся в Конвенции, по существу имеют различный предмет: ст. 2 протокола 4 Конвенции рассматривает ситуацию, когда лицо находится на территории одного государства, а право ЕС занято «трансграничными» вопросами. Однако иные статьи Конвенции, связанные с вопросами свободы передвижения, могут быть применены и в отношениях внутри ЕС. В частности, ст. 4 протокола 4 Конвенции, ст. 19 Хартии запрещают коллективную высылку (expulsion) иностранцев, что распространяется и на случаи высылки граждан ЕС из страны, не являющейся страной их гражданства, а ст. 1 протокола 7 Конвенции устанавливает минимальные процедурные гарантии высылки иностранцев. При этом исходя из словарного содержания понятия высылки, *выдача* лица, подозреваемого в совершении преступления, иному государству высылкой не является; таким образом, запрет на высылку собственных граждан (ч. 1 ст. 3 протокола 4 Конвенции) не означает запрета на их выдачу.

Согласно ч. 3 ст. 10 ДЕС, «каждый гражданин имеет право участвовать в демократической жизни Союза» (every citizen shall have the right to participate in the democratic life of the Union). Данное весьма общее правило находит дальнейшую конкретизацию как в других положениях ДФЕС, так и в главе 6 «Права граждан» Хартии. Одним из видов участия в демократических процедурах является обращение в официальные органы, что уже об-

суждалось выше. Другим таким видом, предусмотренным правом ЕС, является право голосовать и баллотироваться. Право голосовать и баллотироваться в государстве места жительства на тех же условиях, что и граждане этого государства, на выборах в Европарламент и на муниципальных выборах закреплено в п. (b) ч. 2 ст. 20 и ч. 1 ст. 22 ДФЕС, ст. 39 и 40 Хартии.

Что касается выборов в Европарламент, то в соответствии с ч. 3 ст. 14 ДЕС члены Европарламента избираются на пятилетний срок на основе всеобщих прямых выборов при тайном голосовании, при этом каждому государству соответствует определённое количество мест (от 6 до 96 в зависимости от численности населения, см. ч. 2 ст. 14 ДЕС). При этом ни ДЕС и ДФЕС, ни иные акты ЕС не определяют детальные правила избрания депутатов в каждом из государств, и, за исключением принципа пропорционального представительства и некоторых других, избирательные системы полностью определяются законодательством каждого государства-члена в отдельности [Кашкин, 2013, т. 2, с. 376]. Некоторые принципы, обеспечивающие возможность голосования на выборах в Европарламент в государстве места жительства гражданам других государств-членов ЕС закреплены в Директиве 93/109/ЕС.

В отношении муниципальных выборов ДФЕС и Хартия содержат норму, аналогичную норме о выборах депутатов Европарламента, то есть дают право голосовать и баллотироваться на муниципальных выборах гражданам ЕС, проживающим в соответствующем муниципальном образовании. Директива 94/80/ЕС весьма детализированно описывает соответствующие процедуры. При этом не следует забывать о существовании Конвенции об участии иностранцев в общественной жизни, которую на данный момент ратифицировали 8 государств, в том числе такие крупные, как Италия, и по которой право на голосование на муниципальных выборах имеют вообще все (постоянные) жители данного государства, даже если они не являются гражданами ЕС.

Как в случае муниципальных выборов, так и в случае выборов в Европарламент нормы права ЕС регулируют преимущественно «трансграничные» условия и имеют своей целью поставить граждан данного государства-члена ЕС и граждан других государств-членов в равное положение на выборах двух этих видов.

С другой стороны, Конвенция содержит общую, распространяющуюся на все виды выборов, норму: «стороны обязуются проводить с разумной периодичностью свободные выборы путём тайного голосования в таких условиях, которые обеспечивали бы свободное волеизъявление народа при выборе органов законодательной власти» (ст. 3 протокола 1). Эта норма в сочетании с другими нормами Конвенции позволяет ЕСПЧ оценивать конкретные правила национальных избирательных законодательств, в частности в отношении круга лиц, не имеющих права голосовать. Так, по делу *Hurst v. UK* ЕСПЧ признал, что автоматическое лишение активного избирательного права лиц, содержащихся в местах лишения свободы, противоречит Конвенции.

Ссылки

Нормативные акты

1. Slavery convention [Конвенция о рабстве]. Подписана в Женеве 25.09.1926. Ист., пер.: www.un.org
2. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН 10.12.1948. Ист.: www.un.org

3. Convention concerning forced or compulsory labour [Конвенция относительно принудительного или обязательного труда] № 29 Международной организации труда. Принята в Женеве 28.06.130. Ист.: www.ilo.org Пер.: www.consulatant.ru
 4. Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН 10.12.1948. Ист.: www.un.org
 5. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12. 1966. Ист.: www.un.org
 6. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12. 1966. Ист.: www.un.org
 7. Дополнительная конвенции об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством. Принята Конференцией полномочных представителей, созданной в соответствии с резолюцией 608 (XXI) Экономического и Социального Совета от 30.04.1956, и составлена в Женеве 07.09.1956. Ист.: un.org
 8. The Treaty on European Union [Договор о Европейском Союзе]. Конс. текст на 12.11.2012. Ист.: register.consilium.europa.eu . Пер.: см. компакт-диск к [Кашкин, 2012]
 9. The Treaty on the functioning of the European Union [Договор о функционировании Европейского Союза]. Конс. текст на 12.11.2012. Ист.: register.consilium.europa.eu Пер.: см. компакт-диск к [Кашкин, 2012]
 10. Charter of fundamental rights of the European Union [Хартия Европейского Союза об основных правах]. Ист.: register.consilium.europa.eu Пер.: см. компакт-диск к [Кашкин, 2012]
 11. Explanations relating to the Charter of fundamental rights [Пояснения к Хартии об основных правах] Ист.: eur-lex.europa.eu
 12. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland [Основной закон ФРГ]. Ист.: www.bundestag.de
 13. Costituzione Italiana [Конституция Италии] Ист.: www.governo.it
- Судебная практика*
14. ECJ: Konstantinis v. Stadt Altensteig (1993) C-168/91. Ист.: eur-lex.europa.eu
 15. ECtHR: Ireland v. UK (1978) 5310/71. Ист.: hudoc.echr.coe.int
 16. ECtHR: Lutz v. Germany (1987) 9912/82. Ист.: hudoc.echr.coe.int
 17. ECtHR: Minelli v Switzerland (1987) 8660/79. Ист.: hudoc.echr.coe.int
 18. ECtHR: S. W. v. UK (1994) 20166/92. Ист.: hudoc.echr.coe.int
 19. ECtHR: Kazakov v. Russia (2009) 1758/02. Ист.: hudoc.echr.coe.int
 20. ECtHR: Alexeyev v. Russia (2010) 4916/07, 25924/08, 14599/09. Ист.: hudoc.echr.coe.int
 21. ECtHR: Vinter and others v. UK (2013) 66069/09, 130/10, 3896/10. Ист.: hudoc.echr.coe.int
 22. ECtHR: X and others v. Austria (2013) 19010/07. Ист.: hudoc.echr.coe.int

Литература

23. И. А. Алебастрова. Конституционное право зарубежных стран. М., 2009. 624 с. [Алебастрова, 2009]
24. Право Европейского Союза. В 2 т. М., 2012. [Кашкин, 2012]
25. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : Общая часть / Б. А. Страшун (ред.). М., 2010. 896 с. [Страшун, 2010]
26. U. Kilkelly. Human rights handbooks, No. 1 : The right to respect for private and family life. Berlin, 2003. [Kilkelly, 2003]. Ист.: www.coe.int
27. M. Macovei. Human rights handbooks, No. 2 : Freedom of expression. Berlin, 2004. [Macovei, 2004] Ист.: www.coe.int
28. Н. Ю. Ильин. Анализ и проблемы имплементации Хартии Европейского Союза об основных правах // Международное сотрудничество : Экономика и право. 2011. № 1. С. 15–18.
29. И. А. Клепицкий. Преступление, административное правонарушение и наказание в России в свете Европейской конвенции о правах человека // Государство и право. 2000. № 3.

Фёдор Александрович Куликов-Костюшко

31.10.2013